

Широкая общественность – в особенности, волшебная общественность, – в лучшем случае, весьма капризная дама. Если ты популярен и перед тобой преклоняются сегодня, нет никаких гарантий того, что это будут делать и завтра. И неважно, о ком или о чем идет речь.

Гарри Поттер был ярким примером изменчивости общественного мнения. Восхваляемый за происшествие, которого он даже не мог помнить, Гарри Поттер однажды вошел в Косой переулок обычным одиннадцатилетним мальчишкой, не только не встречавшимся с лестью других людей по отношению к нему, но и, казалось, не знавшим о таком понятии до того необычного дня. Его появление в священных стенах Хогвартса ничем не отличалось от появления в Косом переулке – все тот же шепот и пальцы, указывающие в его сторону, не говоря уже о возгласах, исходивших от Гриффиндорского стола, и разочарованных стонов, идущих от столов других факультетов, когда он был распределен.

Тем не менее, к середине второго года обучения аплодисменты и крики одобрения обратились в гневные переговоры и слухи о его участии в открытии Тайной комнаты. Но как только ореол таинственности, окутывавший комнату, развеялся, мальчика немедленно вернули в неприкасаемый круг современных героев – по крайней мере, до его попадания в Турнир Трех Волшебников, где он был заклеен статусом негодяя, ищущего внимания и затеявшего гонку за славой.

В действительности (Гарри подумал об этом только сегодняшним утром) сложно быть не столько Гарри Поттером, сколько просто любым человеком, находящимся на виду у общественности.

Конечно же, Министр магии не стал исключением из выведенной Поттером истины – так уж сложилось, что массы традиционно находятся в переменчивом состоянии любви и ненависти к своему предводителю. Сторонники Министра судили его действия по такому же принципу, по какому самый обыкновенный тренер сборной команды по Квиддичу судил своих игроков: «Вы хорошо постарались для меня сегодня?»

Корнелиус Фадж сидел в комфортной обстановке своего офиса, раздумывая над несправедливостью, периодически наваливавшейся на плечи любого министра – и его плечи, в частности.

Как пока еще новый министр, Фадж пользовался положительной популярностью, по сути, признавал он это или нет, из-за того, что он не был Милисентой Бэггльс. Не то, чтобы предыдущий Министр магии была отвратительна – совсем нет. Но Милисента всегда воспринималась как грубый человек без тяги к излишествам, ярый приверженец правил, который имел глаза и уши в каждом уголке правительства волшебников и поэтому прекрасно представлял себе людей, которым собирался служить. Говоря кратко, она считалась прогрессивным реформатором. И хотя такая позиция должна была расположить ее к массам, стиль правления Бэггльс никак не отражался на ее личности – по крайней мере, у некоторых циников находилось немало камней для ее огорода. Это было действительно стыдно, она не имела практически никаких навыков человеческого общения, хотя немного харизмы могло бы

позволить ей стать ближе к населению и создать более эффективный двигатель прогресса в Британском магическом мире.

Но, к сожалению, у нее не было ни капли харизмы, и именно поэтому, несмотря на то, что ее политика в целом сделала ее другом народа, она сама никогда не купалась в избытке популярности. И, конечно же, ее демократическая политика сделала ее врагом Чистокровной фракции, поскольку их идеалы поддерживали только одно: их собственную повестку дня, которая была связана только с улучшением их собственных интересов в ущерб интересам остальных категорий граждан. Несмотря на малочисленность чистокровных волшебников, в их руках обитала непропорционально огромная доля богатства, что делало их самой мощной фракцией в Великобритании. И, более того, все места на длинных скамьях Визенгамота передавались по наследству, а значит, в основе своей принадлежали старым чистокровным семьям.

Результатом политики Бэгнольд стало то, что, хотя она и имела определенный успех, проталкивая свои наиболее прогрессивные идеи, все ее начинания были загублены враждебным Визенгамотом. Даже Дамблдор, став Председателем Визенгамота, был в состоянии лишь немного помочь ей. В конце концов, она подала в отставку и покинула страну, устав от постоянной борьбы с врагом, который был непримирим и использовал свое необъятное богатство и влияние, чтобы как можно дольше сохранять статус-кво.

С приходом к власти Фаджа статус Министра изменился. Хотя Фадж и строил свою предвыборную кампанию на более консервативной платформе, чем та, на основании которой Бэгнольд председательствовала предыдущие десять лет, он сделал так, что некоторым членам Визенгамота стало известно – он открыт для бизнес-предложений: его поддержка и политические решения могли быть проданы кому угодно, кто был готов предоставить ему... материальный стимул. Как только члены Визенгамота приступили к голосованию за следующего Министра, результат превзошел все возможные ожидания Фаджа – он получил великолепное сочетание голосов тех членов, которые считали, что он затормозит изменения в их обществе до более приемлемого уровня, и тех, кто знал, что его поддержку можно купить за достаточное количество Галлеонов. Чаша весов склонилась в его сторону и обеспечила его избрание.

К сожалению, не прошло и полугода, прежде чем стало понятно, что он – Министр-неудачник, который вообще не выходил за пределы принятия массовых взяток в обмен на его вмешательство в дела всех ветвей правительства.

Конечно же, его самым выгодным вкладчиком всегда была семья Малфоев, у которой было столько денег, что, казалось, они разжигали ими огонь в каминах своего поместья. Люциус Малфой дал ему взятки за все, что только мог, начиная поддержкой всех его экстремистских законопроектов, представленных перед Визенгамотом (ведь, несмотря на то, что семья Малфоев была чрезвычайно богата, она была французского происхождения и не имела места в Визенгамоте), и заканчивая блокированием работы различных ведомств, которые могли бы вплотную заняться расследованием дел его семьи.

От взора Фаджа укрылось то, что, в принципе, Малфои вообще в нем не нуждались – их чистокровные друзья из Визенгамота смогли бы продвинуть предлагаемые законы и акты и без

помощи Министра, если бы Люциус того захотел. И если бы Фадж когда-нибудь захотел разобраться с этим вопросом, он бы заметил, что многие из его действий, проспонсированных Малфоем, были бесполезны, а потом пришел бы к выводу о том, что все это время его использовали лишь в качестве приманки.

А может быть, Фадж вообще не хотел об этом думать – его главной заботой всегда были деньги, которые плавно переключивались из хранилища Люциуса в хранилище Корнелиуса. Для Министра ничего не значило, удалось ли Малфоем заполучить желаемое или нет, – все, что имело для него значение, это мысль о том, хорошо ли ему заплатили за то, что он сделал.

Но в этот день Фадж почувствовал, как его популярность летит в пропасть из-за неудавшегося притеснения Гарри Поттера. Это был весьма ценный урок – прежде чем покуситься на свободу одного из величайших героев нации, необходимо убедиться в том, что ваш парашют окажется исправным и откроется вовремя. Особенно, если вышеупомянутый герой имеет мощную поддержку других лиц.

Даже не стоило сомневаться в том, что именно Дамблдор организовал сессию с участием надоедливой Французской волшебницы в противовес мнению Фаджа. И, что еще хуже, Фадж чувствовал, что все это было рассчитано настолько детально, чтобы заставить его выглядеть так ужасно, насколько возможно, – и в этом начинании они преуспели с лихвой.

Что действительно беспокоило Фаджа, так это истинные цели Дамблдора. Хотел ли он просто спасти мальчишку Поттера или стремился к чему-то большему? Может быть, он хочет забрать должность Министра себе или кому-то из близких друзей? Мысль о том, что министерское кресло само ожидало Дамблдора, когда Бэггольд подала в отставку (если бы только он выдвинул свою кандидатуру, а не отказался ввиду отсутствия интереса и полной удовлетворенности своей текущей позицией), не приходила Министру в голову.

Нет, Фадж был уверен в том, что Дамблдор преследует свои цели, и, что бы это ни было, это не поспособствует долгосрочному пребыванию Фаджа в Министерском кабинете.

- Это же двойная игра! – прорычал себе под нос Фадж.

Настало время сопротивляться.

- Министр? Министр, вы меня слышите?

Фадж моргнул и сфокусировал взгляд на источнике звука. За противоположным концом стола сидела надоедливая «розовая» женщина, чей резко высокий, пронзительный голос прервал размышления Министра. Амбридж была сплошной угрозой, но он поддерживал ее только по одной причине – она слепо и преданно участвовала во всех схемах, которые он проворачивал. У нее было свое видение мира, исполненное ненависти и фанатизма, – нечто, что Фадж хоть и не поддерживал, но в других людях не пресекал. К сожалению, несмотря на всю ее пользу, он мог переносить эту женщину только в малых дозах, так как ее голос основательно тяготил его уши, а постоянная вездесущность не могла сыграть на руку его программе собственного обогащения.

- Прошу прощения, Мадам Заместитель. Боюсь, я на мгновение отвлекся. О чем вы говорили?

Она одарила Фаджа властным взглядом.

- Я закончила свой доклад о планах на время моего пребывания в Хогвартсе, Министр. Но, полагаю, до начала учебного года я также могу составить план относительно девушки Делакур.

В глубине души Фадж сомневался в том, что она может сделать хоть что-нибудь, что сможет повлиять на переезд Вейлы, но он полностью потеряет свою власть над подчиненными, если будет постоянно игнорировать их схемы действий. Он жестом попросил ее продолжать, задумчиво кивая и односложно отвечая в моменты, когда его собеседница этого ожидала.

В общем и целом, этот план вполне мог удасться, если бы эта мысль посетила их несколько раньше. В нынешних условиях, учитывая уверенность Фаджа в том, что Амбридж все равно будет испытывать трудности на вражеской территории, - Дамблдор раздавит ее без лишних раздумий.

Тем не менее, Фадж приветствовал все идеи, которые, по его мнению, смогут отвлечь внимание Дамблдора. Для Корнелиуса основной упор заключался во внедрении Долорес в Хогвартс в качестве Преподавателя защиты от Темных Сил и в ее медленном и осторожном продвижении в школьной иерархии, с должным умением способное замаскировать кнут отборными пряниками. Тот факт, что Амбридж абсолютно не умеет преподавать, полностью равнодушна к студентам и в последний раз сталкивалась с вопросами образования, в лучшем случае, в свои школьные годы, даже не волновал Фаджа. Ее школьная миссия заключалась в том, чтобы найти способ убрать Дамблдора и сделать так, чтобы Фадж не переживал за свое министерское кресло.

Конечно, схема, которую она придумала, чтобы справиться с приездом Флер Делакур в Хогвартс, будет здорово раздражать его оппонентов, хоть и кажется немного неуклюжей. Он сразу же поддержал Долорес в ее начинаниях.

- Очень хорошо, Заместитель, можете продолжить разработку вашей схемы, - великодушно разрешил Фадж. - Спасибо за потраченное время и усилия.

Ответная улыбка Амбридж была самой неприятной, и Фадж облегченно вздохнул, когда она вышла из его кабинета - женщина, которая даже его заставила чувствовать себя неудобно!

На севере Британии есть одно старое поместье. Это усадьба какого-то помещика, давно забытая в тумане времени и являющаяся лишь напоминанием о старом королевстве. Но здание все еще стоит и находится в относительно хорошей форме, что удивительно, учитывая долгие годы абсолютного пренебрежения и равнодушия к строению. Если присмотреться, все еще можно увидеть намеки на его былую славу - они равномерно распределены по сколам и

трещинам в мраморном полу, отслаивающимся и выцветшим обоям – очевидно, это место долгое время было домом некоей богатой и состоятельной семьи.

Теперь же это был дом для людей с не лучшей репутацией. Недавно восстановленный Темный Лорд, Том Марволо Реддл, а по совместительству, лорд Волан-де-Морт, сделал старый дом своей новой стратегической базой.

Волан-де-Морту было безразлично то, что его окружает, включая состояние старого дома – если бы все было не так хорошо, он смог бы легко превратить в свой дом поместье предков Реддла. К несчастью, побег Гарри Поттера с кладбища в Литтл-Хэнглтоне и близость дома Реддлов к месту его мятежа означали, что тайная локация Реддла была обнаружена, и это вызвало необходимость его перемещения. Это, ни больше ни меньше, раздражало его, но Темный Лорд знал, что есть вещи, которые требуют большего внимания, в сравнении с обустройством быта и выбора локации. Вскоре Британский мир волшебников снова станет принадлежать ему, и места, подобные этому разрушающемуся, ветхому зданию не будут ничего для него значить.

В настоящее время все его приспешники были заняты выполнением его приказов – все, кроме пресмыкающегося дурака Петтигрю, который сидел в комнате на втором этаже в трусливом ожидании любого намека на штурм их «крепости». Волан-де-Морт не думал, что кто-нибудь его здесь найдет, но он бы не стал одним из самых пугающих и ненавидимых колдунов в истории волшебного мира, если бы попустительски относился к предосторожностям.

Предоставленный самому себе, Темный Лорд приступил к делу, которое всегда получалось у него лучше всех прочих – он замышлял и обдумывал свои дальнейшие шаги.

Эта неожиданная новость о внедрении Гарри Поттера во Францию всерьез его встревожила. Нет, он не ожидал того, что преследование мальчишки Фаджем (по сердечному настоянию Люциуса, конечно же) завершится успехом, и даже наоборот – он был уверен в том, что Дамблдор без проблем подавит инициативу Министра. Поражение Фаджа произошло при непредвиденных обстоятельствах, и, хотя у Волан-де-Морта не было никаких доказательств, он был уверен в том, что это представление было искусно срежиссировано Дамблдором для какой-то конкретной цели, которую Волан-де-Морт пока не мог нащупать. В конце концов, Дамблдор позволил послу Франции вести большую часть диалога и принимать активное участие в уничтожении аргументов Фаджа – возможно, былую хватку старика уничтожил его возраст, но Волан-де-Морт был слишком умен для того, чтобы быть уверенным: это не тот случай. Действия Дамблдора на протяжении последних нескольких лет позволяли судить о том, что этот человек все еще полностью контролировал свои магические и умственные способности. Альбус не стал бы тем, кем стал, будь он политически легковесным человеком.

Темный Лорд оскалил губы в неприятной насмешке. Его собственный подъем к власти указывал на то, что сам Волан-де-Морт, безусловно, проявлял характерную компетентность в политических вопросах – ведь его враги позволили ему зайти настолько далеко. Дамблдор был достойным противником; и его точно надо убрать, чтобы обеспечить окончательную победу Волан-де-Морта.

В какие бы игры ни играл Дамблдор, Волан-де-Морт был уверен: все это было тщательно спланировано и проведено, ни одна деталь не осталась на воле случая, а это означало, что Дамблдор преследовал какую-то цель, затеяв сегодняшний инцидент. Было ли это связано с введением французов в конфликт в качестве союзников, или у старика была другая, более... эзотерическая цель, которую пока только предстоит раскрыть Темному Лорду?

Это неважно – ведь, в конечном счете, Дамблдор будет вынужден опустить руки, и Темный Лорд будет к этому готов. К тому же, у этой медали тоже было две стороны – Волан-де-Морт был уверен в том, что во Франции столько же недовольных нынешним укладом Чистокровных, сколько и в Великобритании.

Проблема Поттера становилась все интереснее: теперь он дважды бросил вызов и победил, или хотя бы сбежал из продуманных до малейших деталей ловушек Темного Лорда, дважды находившегося в расцвете своих сил. Мягко говоря, это беспокоило Волан-де-Морта. Возможно, это все из-за пророчества, которое Волан-де-Морт все еще не получил. Возможно, там было больше того, во что сложно, но нужно было поверить. И об этом нужно будет хорошенько подумать.

Иностранцу, который вмешался в дела Министерства, следовало преподать блестящий, но суровый урок, который бы отучил его решать вопросы, не являющиеся его заботой. Ему должно прийти особенное сообщение – указание на то, что произойдет, если француз продолжит поддерживать мальчишку: необходимо изолировать Гарри Поттера от всего волшебного мира настолько, насколько это возможно. Среди всего прочего, одним из заданий Малфоя во время проведения судебного заседания было посеять семена разочарования общественности в гриффиндорце. Вот, что сейчас действительно важно.

Да, послание будет – именно оно заселит страх в сердца его противников. Оно не требует немедленной отправки; Пожиратели могут позволить себе подождать несколько месяцев, прежде чем выпадет удобный случай. Придется поговорить с Люциусом и все организовать. Темный Лорд неприятно улыбнулся – мир снова научится бояться имени Волан-де-Морт.

Дамблдор переместил их к небольшому парку недалеко от дома Дурслей. Пока у их небольшого путешествия не появилась парочка-другая свидетелей, Дамблдор пожал руку Жану-Себастьяну и трансгрессировал прочь.

Улыбнувшись Гарри, Жан-Себастьян жестом попросил его проводить их к дому его родственников, нахмурившимся взглядом отметив трепет, который появился на лице Гарри.

- Не думаю, что я мог что-то там оставить, - тихо начал Гарри, не глядя в лицо Жану-Себастьяну. – Может быть, сразу отправимся во Францию?

Жан-Себастьян снова подумал о том, что практически ничего не знает об общении своего подопечного с его родственниками, понимая, что такая реакция лишь доказывала то, что в доме тетушки у парня явно была не сладкая жизнь. Но, какими бы отвратительными

опекунами они ни были, их нужно навестить, чтобы впоследствии решить, что его будущий подопечный будет делать со своей жизнью дальше.

- Может быть, нет, - ответил Жан-Себастьян. - Я хочу убедиться. В любом случае, мы все же должны проинформировать их об изменении твоего статуса и сказать о том, что ты больше никогда не будешь с ними жить.

- Будто их это волнует, - Гарри бормотал себе под нос, так что Жану-Себастьяну приходилось напрячь слух, чтобы услышать его слова, и нахмуриться, когда эти слова дошли до ушей француза. Чем раньше он выяснит бывшие особенности воспитания Гарри, тем лучше.

Следуя внезапному порыву, Гарри зашагал вниз по улице, заставив Жана-Себастьяна догонять его.

- Они не обрадуются нашему появлению, сэр, - вновь тихо произнес он. - Они никогда не хотели иметь что-либо общее с моим миром прежде.

- Не волнуйся, Гарри. Я с этим справлюсь. В конце концов, нет ничего хуже общения с Фаджем.

Гарри криво усмехнулся в ответ на реплику напарника, и они вместе посмеялись. Жан-Себастьян был рад, что снял напряжение с Гарри.

До дома было недалеко, и вскоре они пришли на заспанную улицу. Взгляд Жана-Себастьяна охватил ряд Маггловских домов, и, хотя эта часть города оказалась немного старше, дома в ней были в основном добротные и поддерживались хозяевами в хорошем состоянии. Обычный Маггловский район, как и любой другой, - и ничего из того, что могло бы заставить прохожих подумать о том, что это необычное место - место, в котором, конечно же, обитал самый известный волшебник магической Британии на протяжении последних четырнадцати лет его жизни, что автоматически делало это место особенным, по крайней мере, для волшебников.

Дом, к которому их вел Гарри, был таким же, как и все остальные дома на этой улице - он был уютным, но небольшим, а глаз радовали ухоженные газоны и аккуратная работа садовника.

Они подошли к двери. Гарри поднял руку и постучал в нее, что абсолютно удивило француза. Он был уверен в том, что, прожив в этом доме столько лет, Гарри просто зайдет внутрь, но, казалось, произошло что-то, что лишило его права так сделать, либо же он просто никогда не чувствовал себя здесь желанным гостем.

Наконец, дверь распахнулась, открывая обзор на парня, чей возраст был приблизительно одинаков с возрастом Гарри. Хотя Делакур знал, что это должен быть кузен Гарри, семейного сходства между ними практически не было обнаружено; все же, коренастость этого мальчика и худощавость Гарри - песни из разных опер.

- Привет, Дад, - несколько робко приветствовал его Гарри.

Глаза парня сузились, и он огляделся, словно исподтишка:

- Гарри, что ты здесь делаешь?

- Мы пришли, чтобы забрать мои вещи и поговорить с твоими мамой и папой, - ответил Гарри. От нервов его голос слегка дрожал.

- Папа не хочет тебя больше видеть. Он сказал, тебе здесь не рады.

Жан-Себастьян решил, что пора ему вмешаться в их беседу:

- Мистер Дурсль, уверяю вас, мы надолго не останемся. Мне просто нужно поговорить с вашими родителями, после чего Гарри и я уйдем. Вы не могли бы их позвать?

Дадли на мгновение задумался, прежде чем распахнуть дверь и жестом пригласить их следовать за ним:

- Присядьте в гостиной – я позову маму и папу, - обронил он через плечо.

Следуя за Гарри, Жан-Себастьян вошел в дом. Небольшая прихожая привела их в комфортную гостиную, набитой всякими Маггловскими приспособлениями. Как Чистокровный волшебник, Жан-Себастьян вырос в магическом мире, но он знал о мире Магглов гораздо больше, чем основная масса его ровесников. В конце концов, они делили мир с Магглами, и те явно превосходили их по численности – казалось, знание Магглов и их обычаев, есть не что иное, как благоразумие. Но единственной вещью, привлекавшей его внимание в этой комнате, было отсутствие чего бы то ни было, позволившего бы предположить, что в этом доме когда-то жил еще один мальчик: фотографии младшего из Дурслей находились в изобилии – и ни одного изображения Гарри. Это упущение только разожгло огонь опасения Жана-Себастьяна за то, как воспитывали парня все эти годы.

Они едва уселись на диване, как огромный человек с усами, напоминавшими моржовые, и худощавая женщина со светлыми волосами вошли в комнату. На их лицах явно читалась злость, но они старались, пусть и с некоторым напряжением, держать свои эмоции под контролем.

- Парень! Когда ты уходил, я сказал тебе, что в этом доме тебя ждать не будут, а теперь ты еще и привел с собой своих друзей-чудаков?

Лицо Жана-Себастьяна приняло каменное выражение, и он уставился на толстяка так, будто перед ним стоял слизняк:

- Мистер Дурсль, я полагаю?

Дядя Вернон нехотя кивнул и уставился на них:

- Ну, чего вы ждете? Убирайтесь!

- Мистер Дурсль, я – Жан-Себастьян Делакур, и, поверьте, ничто не обрадует меня больше, чем мысль о том, что я заберу Гарри отсюда и никогда его сюда не верну, - ответил Жан-Себастьян голосом, леденее обжигающе холодного зимнего ветра. – Но обстоятельства вокруг Гарри несколько изменились, и я считаю, что вам нужно об этом знать. Можем ли мы сесть и обсудить это как взрослые люди?

- Нам все равно, что произошло с этим уродцем, - ответил Мистер Дурсль с некоторым отвращением. – Наш Дадли чуть не погиб из-за тех существ. Нахождение этого парня здесь опасно.

Из губ Жана-Себастьяна вылетел презрительный смешок, он встал и повернулся к этой невоспитанной парочке во всем своем великолепии:

- Вы действительно думаете, что смогли бы остановить Дамблдора, если бы он решил, что Гарри опять необходимо остаться здесь?

Лицо женщины побелело от его слов, в то время, как толстяк покраснел в жутком гневе:

- Нас это не волнует! Убирайтесь!

- Сядьте! – рыкнул Жан-Себастьян, достав свою палочку и направив ее на них. Они побледнели и что-то пробормотали, но, тем не менее, сели, как их и просили. Их лица все еще выражали откровенный гнев по-настоящему недалеких людей.

- А теперь, когда вы сели, мы поговорим как адекватные люди, - четко произнес волшебник. – Без «уродцев» или других прозвищ, которыми вы обзывали Гарри на протяжении всех этих лет.

Он звучал строго и бескомпромиссно, и, хотя у Жана-Себастьяна сложилось впечатление, что с родственниками Гарри редко говорили в подобном тоне, они нехотя кивнули в знак согласия, украдкой и с опаской поглядывая на палочку, которую он все еще держал в руке.

- Спасибо. Я понимаю, что этим летом, перед тем, как Гарри вас покинул, произошел неприятный инцидент, - дождавшись, пока они кивнут, Жан-Себастьян продолжил. – Его действия в ходе этого инцидента были оправданы, но, в силу определенных обстоятельств, его опекуноство изменилось, и ему больше никогда не потребуется жить с вами.

Он заметил, как мужчина и женщина посмотрели друг на друга с торжествующими ухмылками.

- Замечательно! – возликовала тетя Петунья. – Все равно мы никогда не хотели, чтобы маленький уро... наш племянник жил с нами – тот Директор заставил нас, и у нас просто не было выбора.

- Мы больше не хотим иметь ничего общего с вашим странным миром! – продолжил дядя Вернон, его голос звучал громко и неприятно. – Вы – ненастоящие люди, и его родители были ничуть не лучше. Мы будем рады избавиться от него!

Жан-Себастьян откинулся на спинку и какое-то короткое мгновение изучал всех троих Дурслей, чувствуя, скорее, покорную досаду от такого отношения, чем настоящую злость – он встречался с подобным поведением множество раз, хотя, будучи волшебником, обычно он видел пренебрежительное отношение к Магглам, а не наоборот. Все же, не нужно быть гением, чтобы увидеть явный фанатизм и ненависть этих людей, которые затаили свои эмоции против того, чего они элементарно не могли понять. Хорошо, что Жан-Себастьян вмешался в это, как только смог, ведь жизнь с этим людьми явно не казалась Гарри сладкой.

Искоса взглянув на своего нового подопечного, Жан-Себастьян взвешивал ситуацию и думал, просто ли ненавидят Дурсли своего волшебного родственника, или все это время они были сторонниками более... физиологического воспитания мальчика. Его глаза недобро сузились, когда он увидел ссутулившегося Гарри и его удачные попытки избежать встречи с глазами родственников. Было трудно сказать, правда это или нет, но Жан-Себастьян был уверен, что он обязательно доберется до сути истины, и поклялся, что, в случае подтверждения его опасений, эти невежественные люди заплатят за насилие над парнем.

Промежутки между мыслями Жана-Себастьяна были заполнены растянувшейся в комнате тишиной – тишиной, которая явно приносила неудобство паре, сидящей напротив, хотя, казалось, их сын не испытывал такого же смятения – он в открытую таращился на своего кузена, будто никогда раньше его не видел. Это было низко, но Делакур получал по-настоящему извращенное удовольствие от их неловкости, позволяя тишине продолжать свое действие, в то время, как он все еще смотрел на мужа и жену, показывая во взгляде свое презрение с оттенком отвращения.

- Вам не кажется, что следует поблагодарить вашего племянника за его действия? – наконец, спросил он. – Если бы Гарри не вмешался, ваш сын был бы убит теми Дементорами.

- А если бы его здесь не было, ваших гнусных созданий тоже здесь не было бы, – зарычал в ответ Мистер Дурсль. – Он не приносил нам ничего, кроме неприятностей, с того момента, как мы его увидели, и мы рады избавиться от него.

- Он спас меня, пап, – вдруг подал голос Дадли.

Судя по тем взглядам, которые кинули на Дадли не только отец и мать, но и Гарри, выражение

благодарности Дадли было настоящим событием, если не сказать, nonsensом. Парень, тем не менее, не обращал внимания на взгляды родителей и внимательно смотрел на Гарри с серьезным и почти умоляющим выражением на лице. Гарри смотрел на него с немым вопросом, прежде чем, наконец, расслабился и слегка сгорбился в своем кресле с легким подобием улыбки на лице.

- Забудь, Дад. Никаких проблем.

Мистер Дурсль фыркнул, услышав заявление Гарри, но парень проигнорировал это с кажущимся облегчением. Жан-Себастьян подозревал, что несчастный мальчик был счастлив наконец-то получить некое подобие одобрения хоть от кого-нибудь из его родственников, даже если это одобрение было получено ценой решения вопроса жизни и смерти.

- Мистер Дурсль, я прекрасно понимаю, что вы хотите, чтобы мы ушли, поэтому я сразу перейду к делу. Меня не обрадовало то, что я сегодня здесь увидел, и то, что я слышал о доме Гарри – вы явно не разбираетесь в том, как воспитывать молодых людей, и меня могли бы обидеть вещи, которые вы сказали сегодня, если бы я считал вас кем-то большим, чем просто муравьем, которого я могу раздавить сапогом.

Миссис Дурсль побледнела, а лицо его мужа стало вновь багровым от злости, но Жан-Себастьян намеренно проигнорировал это.

- Как бы то ни было, я рад сказать, что Гарри никогда больше не придется снова терпеть вашего присутствия. Я, разумеется, никогда не позволю ему вернуться сюда, и также я не могу себе представить, чтобы он когда-либо захотел вернуться сам при достижении им совершеннолетия.

Один говорящий взгляд на Гарри, тревожно поглядывавшего в сторону входной двери, уже говорил о многом – Гарри, вне всякого сомнения, был бы счастлив больше никогда не возвращаться в дом своих родственников.

- Но, как бы то ни было, я посчитал разумным поставить вас в известность об изменении статуса Гарри и том факте, что он к вам не вернется. Теперь он обручен с моей дочерью и будет моим подопечным, пока его опекун вновь не вернется к выполнению своих обязанностей. Поэтому Гарри больше не будет злоупотреблять вашим гостеприимством.

- Урод уродлив во всем, - ответил Мистер Дурсль с издевкой. - Представить только! Магия и обручение! Это все – сплошное уродство, скажу я вам!

Его глазки-бусинки вперились в Гарри свирепым взглядом, а на лице появилась неприятная ухмылка:

- Ты должен сходить и попросить кого-нибудь обручиться с тобой, чтобы завести девушку, не так ли, мальчишка? Не можешь сделать этого самостоятельно из-за своей уродливости?

Уверен, что она низкорослая и бородавчатая – настоящая ведьма!

Смех Мистера Дурсля нещадно давил на нервы Жана-Себастьяна, но он промолчал, просто вытащив обычное Маггловское фото из бумажника и увеличив его до размеров большой картины.

- Это моя дочь Флер, которая помолвлена с Гарри. Если мне не изменяет память, у нее нет никаких бородавок. Тем не менее, она вполне может превратить вас в жабу, если вы позволите себе отныне предполагать подобное о ее лице, так что советую вам держать ваше мнение при себе.

Челюсти всех троих Дурслей отвисли, когда они увидели фотографию его дочери, заставляя Жана-Себастьяна лишь хмыкнуть в ответ – как отец, он по-настоящему гордился красотой и наследием Вейлы своей дочери, даже несмотря на то, что одновременно и волновался влиянием такого наследия на ее потенциальных женихов. Гарри был настоящим божественным провидением для Французского посла.

Спустя мгновение, Мистер Дурсль снова покраснел и начал заикаться от злости, в то время как его жена уставилась на Гарри так, будто раньше никогда его не видела. Младший Дурсль еле оторвал взгляд от фотографии, глядя на Гарри по-новому, с уважением.

Снова трансформируя картинку и помещая ее обратно в бумажник, Жан-Себастьян оглядел плачевную семью с некоторым отвращением:

- Как только мы покинем это место, только от Гарри будет зависеть, сможете ли вы когда-нибудь увидеть его снова, или нет. Когда он повзрослеет, я оставлю это решение за ним.

- Просто заберите его с собой и уходите, - грубо произнес Мистер Дурсль, как только пришел в себя после вспышки гнева. – Единственное, что сделает нас счастливыми, это уверенность в том, что нам больше не придется иметь с вами никаких дел.

- И нас, Дурсль, - ответил Жан-Себастьян. – Но я также считаю необходимым предупредить вас.

Дядя Вернон провел сухой ладонью по лицу:

- Почему вы, чудики, не можете просто увидеть подсказку и понять, где вас не желают видеть? Мы не хотели иметь ничего общего с ним, - Дурсль показал пальцем на Гарри. – Но ваш Директор даже слышать об этом не хотел. Мы желали, чтобы он жил нормально, без этих странностей, которые были у его родителей, но нас заставили отдать его в эту школу. Почему вы настаиваете на всем этом?

Пораженный хамством и упрямством этого человека, Жан-Себастьян почти повиновался желанию сделать то, о чем его просили – оставить их на произвол судьбы. Тем не менее,

чувство ответственности требовало передать его сообщение до того, как он окончательно покинет это место. Кроме того, Дамблдор убедил Жана-Себастьяна в том, что, несмотря на полную никчемность Дурслей в качестве опекунов или просто хороших людей, они заслуживают быть предупрежденными, учитывая тот факт, что все-таки они являлись родственниками Гарри.

- Мистер Дурсль, вы знакомы с историей Лорда Волан-де-Морта?

Миссис Дурсль ахнула:

- Это не тот сумасшедший, который преследовал Лили?

Жан-Себастьян склонил голову:

- Он преследовал всю семью, да, но особо тщательно он выслеживал Гарри, я полагаю.

Несмотря на то, что его жена, кажется, была в курсе того, о чем говорит Жан-Себастьян, Мистер Дурсль оказался в полной растерянности:

- О чем вы говорите?

- Лили говорила мне о нем перед смертью, - сказала Миссис Дурсль своему мужу. - Он преследовал их по неизвестным причинам - и именно он убил их.

С ворчанием дядя Вернон посмотрел на двух волшебников:

- И что с ним? Он умер. Почему мы сейчас должны его обсуждать?

Повернувшись к Гарри, Жан-Себастьян приподнял бровь.

- Они не хотели слушать ничего из того, что я хотел им сказать, - пробормотал Гарри, оправдываясь. - Даже если бы я попытался им сказать, они бы не стали слушать.

Повернувшись обратно к Дурслям, Жан-Себастьян окинул их быстрым взглядом. Он ожидал, что они не придадут никакого значения тому, о чем он собирался им рассказать, но решил, что если ничего им не расскажет, ответственность за последствия будет лежать на его плечах. Он может их только предупредить - все остальное они должны сделать сами.

- Мистер и Миссис Дурсль, мы здесь не только для того, чтобы рассказать о том, что Гарри покинет ваш дом, но также и предупредить вас, что вы подвергнете себя большой опасности, если останетесь здесь. Волан-де-Морт, пытавшийся убить Гарри, когда он был ребенком,

недавно воскрес, и если он слышал о вашем родстве с Гарри, он постарается добраться до него через вас. Теперь, конечно, и вы, и я знаем, что фактически между вами и вашим племянником нет никаких родственных чувств, но Волан-де-Морт, безусловно, об этом не догадывается.

- Но он умер! - издевательски фыркнул Мистер Дурсль. - Вы думаете, мы испугаемся покойника?

- Он не умер, - спокойно ответил Жан-Себастьян. - Неведомым образом он сумел обмануть судьбу и недавно вернулся в Британию, намереваясь продолжить свое дело. Когда Дамблдор оставил маленького Гарри здесь, он возвел сложную защиту, которая спасала не только Гарри, но также вас и вашу семью. Но защита действует только в том случае, если Гарри проводит здесь часть лета. Гарри не вернется в следующем году, чтобы навестить своих бывших опекунов, что означает лишь одно - чары исчезнут следующим летом. Как только это произойдет, дом снова будет виден волшебному миру, и если Волан-де-Морт проведет связь между Гарри и вашей семьей, вы окажетесь в огромной опасности.

- Уверен, мы сможем договориться с ним, если он все-таки придет, - довольно бесечно парировал дядя Вернон. - Если он ненавидит мальчишку так же, как мы, думаю, он наградит нас медалью за то, что мы выгнали его из дома.

- Вернон, я думаю, мы должны учесть предупреждение, - заговорила его жена с заблестевшими от страха глазами.

- Честно говоря, Мистер и Миссис Дурсль, для меня не имеет значения, примете вы во внимание это предупреждение или нет, - пожал плечами Делакур. - Я выполнил свой долг. Но я настоятельно рекомендую вас послушать меня и принять меры для защиты вашей семьи. Волан-де-Морт не договаривается и не награждает Магглов... он убивает их. Выбор за вами, но я прошу вас не недооценивать его. Гарри и я соберем оставшиеся вещи и немедленно вас покинем.

Поднявшись, Жан-Себастьян подошел к Гарри, готовый идти за ним, но их остановил полный ужаса голос Дадли:

- У Гарри ничего здесь нет. Когда он ушел на прошлой неделе, папа выкинул все, что от него оставалось.

Глаза Жана-Себастьяна зло сверкнули, и он повернулся к дяде Вернону:

- Вы выбросили вещи Гарри?

Вернон побледнел и, казалось, провалился в собственное кресло. Его глаза бегали из стороны в сторону. Его страх был довольно забавным, если не принимать во внимание Жана-Себастьяна, которому было глубоко противно связываться с мужчиной, который любезно предоставил Гарри столь мрачное детство.

- Все в порядке, - сказал Гарри, пытаясь разрядить обстановку. - Уверен, я уже взял все, что будет иметь для меня хоть какое-то значение, когда я вернусь с каникул. Все, что у меня здесь осталось, это старая одежда и некоторые мелочи.

Жан-Себастьян внимательно смотрел на своего подопечного, пытаясь найти малейший намек на что-то, кроме уступчивости, так отчетливо проскальзывавшей в голосе Гарри - если мальчик потерял хоть что-нибудь более-менее ценное по причине «генеральной уборки» Дурслей, мужчина вытрясет это из их шкур. Жан-Себастьян еще раз обратил внимание на слегка рваные и велико размерные вещи из одеяния Гарри, которые изначально посчитал данью Маггловской моде, но теперь он не был в этом уверен. В конце концов, в руках его подопечного была лишь одинокая дорожная сумка, которую он крепко сжимал в руке. Что бы там ни сделали (или не сделали) Дурсли для Гарри, они не сделали главного - не предоставили ему благоприятные условия для взросления, и осознание этого наполнило посла гневом. Но он взял себя в руки и посмотрел на Дурслей-старших сверху вниз, с презрением.

- Очень хорошо - тогда мы принимаем ваше приглашение уйти. Я никогда еще не сталкивался с подобной, полной презрения и почти преступной, халатностью в паре, ответственной за воспитание молодых людей. Вы, Мистер Дурсль и Миссис Дурсль, должны сесть в тюрьму за то, что вы сделали! Не смейте даже пытаться вновь встретиться с Гарри - последствия будут губительными!

Повернувшись к Гарри, Жан-Себастьян направился к выходу. Его подопечный спешно наступал ему на пятки. Не успели они сделать и нескольких шагов, как услышали голос, обращавшийся к ним.

Жан-Себастьян повернулся и посмотрел на плотную тушу кузена Гарри. Увидев, что взгляд Гарри преисполнен любопытства, он понял, что разговор Гарри и Дадли до того, как гости покинут дом навсегда, не сможет принести большого вреда.

Дадли нервно переминался с ноги на ногу все то время, что скрытно наблюдал за Гарри краем глаза. Казалось, будто он хочет что-то сказать, но, по каким-то причинам, не захотел - или не смог - решиться на это.

- Что, Дад?

Звучание голоса Гарри, казалось, вырвало Дадли из размышлений.

- Гарри... Я хотел... О, провались оно - я не очень в этом хорош.

Он закрыл глаза и сделал глубокий вдох, прежде чем заметно собрал мужество в кулак и обратился к своему кузену:

- Я просто хотел сказать... Я знаю, я плохо с тобой обращался, но... спасибо, что спас меня от этих штуквин... духов.

Гарри улыбнулся ему, и улыбка достигла глаз Дадли – и это было довольно неожиданно, если учесть, что половина того, о чем думал Жан-Себастьян относительно грубого общения между кузенами, было правдой.

- Все нормально, Дадли. Я не мог просто оставить тебя. Не задумывайся об этом.

- Я думал об этом достаточно, Гарри, - возразил Дадли. – То, как я к тебе относился... Я бы не винил тебя, если бы ты оставил меня там валяться в грязи.

Гарри не мог придумать, что сказать – после секундного размышления, он снова улыбнулся:

- Не за что.

- И Гарри... не слушай то, что говорит о тебе мой папа. Ты не уродец. Куда бы ты ни ушел, надеюсь, мы еще увидимся... когда-нибудь...

- Хорошая идея, - сказал Гарри. – Может быть, когда все это закончится, я как-нибудь найду вас.

И хотя Жан-Себастьян был уверен, что Гарри просто-напросто вежлив с кузенком, ему показалось, что он заметил небольшой намек на слезы в его глазах – очевидно, подобие приглашения от одного из его родственников тронуло Гарри больше, чем он позволял себе показывать.

Дадли воспринял предложение Гарри кивком, а затем обратил свое внимание на Жана-Себастьяна и учтиво склонил голову:

- Пожалуйста, позаботьтесь о моем кузене, Мистер Делакур.

Склонив голову в ответ, Жан-Себастьян вызвал улыбку у парня:

- Я позабочусь. Спасибо за ваши слова, Мистер Дурсль – признание собственной неправоты требует много мужества. Пожалуйста, убедите вашего отца принять предупреждение всерьез, - продолжил он с суровым выражением на лице. – Если вы этого не сделаете, последствия будут катастрофическими.

Дадли кивнул, а после прошел вперед, неуклюже пожал руку Гарри и исчез в доме, оставив снаружи одного ошеломленного волшебника и сбитого с толку молодого человека, который теперь явно думал о своих родственниках чуточку лучше, чем раньше.

Они покинули дом, приближаясь к парку, но вместо того, чтобы найти уединенное место, обосновались в первом попавшемся закутке, Жан-Себастьян направил Гарри к скамейке,

намереваясь получить от него ответы на некоторые вопросы до того, как волшебники пойдут дальше. Гарри выглядел немного сконфуженным, но позволил наставнику вести его и затем сел, ожидая дальнейших инструкций. Жан-Себастьян провел палочкой, создавая чары, которые могут обеспечить конфиденциальность их разговора, а затем повернулся к Гарри.

- Гарри, - начал он, чтобы не заставлять парня чувствовать себя некомфортно из-за долгого молчания. - Я бы хотел поговорить с тобой о времени, проведенном тобой в доме твоих родственников.

Лицо Гарри приняло оборонительное выражение, и Жан-Себастьян почти представил маску на его глазах, скрывающую подлинные чувства.

- Я бы не хотел об этом говорить, Жан-Себастьян, - ответил он, наконец. - Я никогда туда не вернусь, и точка.

- Гарри, ты можешь думать о том, что заслужил такое ужасное обращение с собой, но, поверь мне, поведение Дурслей просто-напросто преступно. Ты не обязан говорить мне обо всем, что заставляет тебя чувствовать дискомфорт, но я должен знать, что за вещи они с тобой творили, и принять соответствующие меры в случае необходимости.

Тишина воцарилась на несколько минут – казалось, Гарри ушел в себя. Выражение тоски во всем его теле и то, как он нервно тербил рубашку, играло на чувствах Жана-Себастьяна, но он был полон решимости дать своему подопечному столько времени и места, сколько потребуется, чтобы он сам докопался до своих чувств. Если ситуация была настолько ужасна, насколько это подозревал Жан-Себастьян, он пообещал себе, что повесит Дурслей на своей стене.

- А какой смысл? – наконец, спросил он. - Что сделано, то сделано, и мы не в силах что-либо исправить. Я бы предпочел просто уйти и забыть о них.

- И что в этом хорошего? – демонстративно спросил Жан-Себастьян. - Гарри, ты можешь верить в то, что ты не стоишь поддержки и чужих усилий, но я собираюсь потратить достаточно времени, чтобы убедить тебя в обратном. И если твои родственники никогда не получали по заслугам за свои преступления, разве они что-нибудь слышали? Что насчет их собственного сына? Они обращались с ним так же?

- Не стоит беспокоиться о маленьком Дадлике, - пробормотал Гарри.

Скептически подняв бровь, Жан-Себастьян вспоминал только что совершенный визит, вспоминая, как эта парочка говорила и относилась к своему сыну, и он подумал, несколько досадно, о том, что, возможно, Гарри был прав – кажется, родители Дадли относились к своему ребенку как к принцу. Конечно, их отношение к собственному сыну породило свои проблемы в воспитании Дадли, связанное с бесконечным качанием прав и его испорченностью, но это меньше всего волновало Жана-Себастьяна. Такая разница в положении двух мальчишек должна была превратить детство Гарри в нечто ужасное, несмотря на то, что он – особенный.

Жан-Себастьян просто сидел, наблюдая за Гарри, дав ему время, чтобы разобраться в своих чувствах и найти слова, в то же время демонстрируя ему спокойствие и непримиримость – он получит отчет по действиям родственников Гарри.

Наконец, Гарри начал говорить. Он делал это неохотно и неуверенно, и, хотя начал он довольно нерешительно, слова все же стали складываться в связный поток. Но, несмотря на то, что предмет его монолога был эмоциональным, а поступки родственников, несомненно, ранили его все то время, что он с ними жил, его лицо было бесстрастным, как каменная маска, а голос ничем не выдавал его состояния – Жан-Себастьян знал, что Гарри научился защищаться от злодеяний семьи Дурслей, держа эмоции под контролем и не давая этой семейке понять, что они его ранят. И над этим Жану-Себастьяну предстоит работать и работать – конечно же, подобное отношение в его семье недопустимо.

История, которую открыто рассказывал Гарри, была душераздирающей – он был одиноким, несчастным ребенком, который все время не мог понять, что же он сделал такого, чтобы заслужить ежедневные презрение и насмешки. История была воплощением эмоционального насилия, в котором слова «уродец», «неудачник» и «обуза» занимали самое важное место в воспитании мальчика. Гарри говорил о том, что вырос в чулане под лестницей, перемещенный из этого пыльного места во вторую спальню его кузена, после того, как получил письмо из Хогвартса, и то только потому, что Дурсли боялись реакции Дамблдора, если он узнает, в каких жилищных условиях содержится мальчик. Конечно же, ему не позволили выбросить старые и сломанные игрушки, которые грудой хранились в его новой комнате. Нет, маленький Дадличек с ними еще не наигрался, так что они оставались там.

По словам Гарри, он начал готовить семейные обеды в раннем возрасте, и, в конечном итоге, делал большую часть работы по дому, пока его кузен отсиживал свою ленивую задницу, планируя свежие идеи дедовщины. Гарри никогда не получал от них Рождественских подарков, в то время, как его кузен утопал в настоящей горе сюрпризов. Ему говорили, что у уродцев не бывает дней рождения, а в это время Дадли одаривали так, будто он был, по меньшей мере, принцем.

Он говорил о странных вещах, которые с ним происходили, - вещах, которые он не мог объяснить, но о которых не могли не знать дядя и тетя, прекрасно понимавшие, чей он сын. Они ни разу не помогли ему во всем разобраться, зато наказывали его каждый раз, когда случалось что-то необъяснимое, в то же время вешая ему лапшу на уши и рассказывая о том, что он – отпрыск пьяниц, которые погибли в автокатастрофе, а его шрам – следствие этого несчастного случая.

Ужасные вещи говорились этим монотонным, безэмоциональным голосом, и Жан-Себастьян настойчиво думал о том, что нечто важное пролетело мимо рассказа Гарри. Парень замолчал, и Жан-Себастьян решил проверить, верны ли его догадки или нет.

- Спасибо, что доверился мне, Гарри, - сказал он с улыбкой сострадания. - Но мне нужно кое-что знать. Твои родственники обращались с тобой гнусно, но ты ничего не сказал о физическом насилии. Твоя дядя когда-нибудь бил тебя?

Глаза парня широко раскрылись, и он начал энергично качать головой:

- Нет, он никогда не делал этого. То есть, иногда мне казалось, что он готов сделать это, но он никогда не бил меня или что-то вроде. Может быть, он боялся, что я что-нибудь с ним сделаю, когда вырасту, или еще чего-нибудь.

- А твой кузен?

Гарри горько рассмеялся:

- Любимой игрой Дадли была игра «охота на Гарри». Он и его банда терроризировали окрестности и совершали акты вандализма, но так, чтобы их нельзя было застукать. Я почти сразу научился быть более быстрым, чем Дадли, и хорошо прятаться – в противном случае, получал затрещины. Но он никогда не бил меня так сильно, чтобы оставить шрамы или ссадины, и был достаточно осторожен, чтобы не оставлять следов на тех частях тела, где их можно было бы увидеть. Он не хотел, чтобы школьные учителя знали об издевательствах.

Жан-Себастьян переваривал информацию, отмечая, что в этом вопросе все было лучше, чем он ожидал. Насилие психологическое было хуже насилия физического, но если бы они били его, ничто бы не остановило Жана-Себастьяна от того, чтобы взять с них высокую плату за их действия. Как бы то ни было, сейчас самое время оставить Гарри в покое – он был физически вымотан, и его наставнику больше не хотелось вытаскивать из него нехорошие воспоминания. Он просто поможет Гарри возродить в себе чувство собственной важности – он заранее знал, что это трудно, но полезно для мальчика. Было удивительно, что он вырос хорошим человеком, если учесть все испытания, выпавшие на его долю – Жан-Себастьян понял бы, если бы Гарри вырос в озлобленного и мстительного парня, но эти характеристики были слишком далеки от истины. Он был самым приятным молодым человеком из тех, кого когда-либо встречал Жан-Себастьян.

- Гарри, я хочу, чтобы ты знал кое-что.

Глаза Гарри доверчиво блеснули, но выражение лица осталось неизменным. Он ждал окончания фразы.

- Та часть твоей жизни закончена, и я не допущу, чтобы она снова повторилась. Это понятно?

- Да, сэр, - ответил Гарри.

Жан-Себастьян иронично поднял бровь, заставив Гарри смутиться.

- Жан-Себастьян, - сконфуженно исправился он.

- Так намного лучше. Просто запомни, Гарри, я больше не буду поднимать эту тему, но это не

значит, что ты не можешь ее поднять. Если ты когда-нибудь захочешь со мной об этом поговорить или спросить моего совета, я всегда буду открыт для тебя, и, если уж на то пошло, Сириус – тоже.

- Спасибо, Жан-Себастьян, - искренне ответил парень.

- Не за что, - его лицо озарила теплая улыбка. Он только сегодня познакомился с Гарри, а Мальчик-Который-Выжил уже очаровал его своей вежливостью и серьезностью. И если истории о похождениях юного Гриффиндорского ловца в Хогвартсе не выдумка, жизнь с Гарри Поттером точно не будет скучной.

В тот вечер Гермиона Грейнджер сидела на кровати, переваривая события дня, когда Джинни вошла в их общую комнату. Зная, насколько Джинни была одержима Мальчиком-Который-Выжил, Гермиона не удивилась тому, что заявление, сделанное его новым опекуном ранее, шокировало и полностью сокрушило девушку. Она провела наедине с матерью большую часть дня, вероятно, горюя и плача вместе с ней. Ведь Гермиона считала, что Миссис Уизли хотела благополучного исхода знакомства их дочери с Гарри намного дольше, чем сама Джинни.

Глаза Джинни все еще были покрасневшие, свидетельствуя о масштабах траура, который случился в результате крушения всех ее мечтаний. Но все же, когда Гермиона посмотрела на нее поближе, она заметила в ее лице неожиданное выражение – маленький намек на надежду. Хотя Гермиона не могла претендовать на звание эксперта магических прав и обычаев, вся ситуация была настолько очевидна, что девушка не понимала, на что все еще надеется Джинни. Помолвка была абсолютно законной, закреплённой магической силой двух семей, что делало ее обязательной и нерушимой.

- Привет, Гермиона, - сказала Джинни нервно и как-то неуверенно.

Гермиона улыбнулась в ответ и вернулась к раскрытой книге, лежавшей на ее коленях, - книге, которую она открыла более часа назад, но так и не прочла ни одной страницы. Она не знала, чем может помочь Джинни. Вообще-то, чувства обеих девушек были приблизительно схожи, однако чувства Гермионы были относительно новыми и пока еще сыроватыми.

- Сумасшедший день, правда?

- Да, но, тем не менее, хороший, - последовал ответ.

Комната погрузилась в тишину на несколько мгновений, пока Гермиона не взглянула на Джинни и не увидела слезы в уголках ее глаз.

- Да, Красный день календаря, - горько выплюнула рыжеволосая девушка.

- Гарри свободен, - многозначительно ответила Гермиона. - Ты бы предпочла, чтобы Министерство отняло у него палочку?

Плюхнувшись на кровать, Джинни развернулась на спину, широко раскинув руки и позволяя глубокому вздоху вырваться из ее губ:

- Это не то, о чем я хотела сказать, Гермиона. Я... Я рада, что Гарри был оправдан, но...

Она пыталась быть терпеливой, но иметь дело с фатализмом Джинни и ее безнадежной одержимостью лучшим другом Грейнджер было последним, чего та хотела. С ее собственной кашей в голове Гермиона бы предпочла тихую, уединенную комнату, чтобы подумать и разобраться во всем, что произошло. Уже не в первый раз она спрашивала себя, почему у нее до сих пор нет своей комнаты - дом был таких огромных размеров, что, безусловно, смог бы дать каждому по кусочку личного пространства.

- Конечно, тебя это не волнует, разве не так? - горько произнесла Джинни, когда тишина стала угнетать. - Ты никогда не смотрела на него иначе, чем как на друга.

Гермиона вполне могла показать свою настоящую реакцию на слова Джинни, внутри самой себя понимая, что ее утверждение ошибочно. Но она до сих пор испытывала некоторое смущение от своих же мыслей по отношению к девчонке Уизли - это шокировало, но Гермиона не могла ее поддержать.

- Нет, Джинни, мне, конечно же, непонятно, что ты чувствуешь, - ответила Гермиона, слыша в своем голосе ложь, но, в то же время, скрывая ее - ее подруге не обязательно знать, что на самом деле чувствует лучшая подруга Гарри Поттера. - Но, Джинни, ты ведь знала, что он мог бы никогда и не ответить взаимностью на твои чувства. Ты сама себя накрутила, отказавшись бороться со своей страстью.

Резко приподнявшись, Джинни взглянула на Гермиону, на ее щеках блеснули слезы, а на лице отразилось выражение полного отчаяния:

- Я знаю, - тихо ответила она. - Но пока он был свободен, всегда был шанс... Я все еще могла надеяться...

Потянувшись, Гермиона взяла Джинни за руку и сжала ее в дружественном, утешительном жесте:

- Я понимаю. Будет трудно, Джинни, но ты должна это отпустить. Может быть, теперь ты сможешь быть просто его другом, без постороннего влечения.

- Я говорю себе о том же, - Джинни опустила голову. - Но у меня не получается ничего, кроме как надеяться.

- На что здесь остается надеяться? – недоумевала Гермиона, опять сбита с толку тем, что Джинни продолжает за что-то цепляться. – Гарри помолвлен, Джинни – магически обручен. Насколько я понимаю, ни ты, ни я, ни кто-либо еще не сможет с этим что-либо сделать.

Рыжая девчонка слабо улыбнулась, что совершенно не вязалось со слезами, блестевшими на ее щеках:

- Вообще-то, все можно отменить, но для этого нужно получить разрешение от глав обеих домов, которые, думаю, никогда на это не пойдут. Политически, эта помолвка очень важна для Гарри, семьи Делакур и, возможно, всего мира. Это обстоятельство может привлечь Францию к войне против Сама-Знаешь-Кого, в чем мы все крайне нуждаемся, пока Фадж стоит у руля.

Гермиона не знала о такой возможности, но даже теперь силилась понять, как Джинни может до сих пор надеяться быть вместе с Гарри, когда шансы на то, что брачный контракт когда-нибудь будет расторгнут, настолько мизерны.

- Ты думаешь о том, что я наконец-то узнала что-то, чего не знает Гермиона Грейнджер? – хихикая, воскликнула Джинни.

Ее подозрения встретил убийственный взгляд Гермионы, от которого Джинни развеселилась еще больше. Гермиона бы искренне порадовалась за то, что младшая Уизли наконец-то смеется, если бы не уловила нотки истерики в ее голосе.

- Думаю, я многого не знаю о магическом мире и традициях Чистокровных волшебников, - глумливо ответила Гермиона. – Это не объясняет того, почему ты до сих пор надеешься быть с Гарри, несмотря на то, что он уже занят.

Смех оборвался, и лицо Джинни приняло задумчивое выражение:

- Думаю, ты этого не представляешь... Знаешь, волшебный мир – это нечто... нечто, что выходит за пределы мира Магглов в вопросах, которые касаются традиций... - получив нетерпеливый кивок в ответ, она продолжила. – Так что в магическом мире нет таких законов, которые говорили бы о том, что мужчина может взять в жены только одну женщину...

Гермиона шокировано уставилась на подругу, широко раскрыв рот и беззвучно шевеля губами.

- Это больше похоже на пробел в законодательстве, вообще-то. Хотя многоженство и не совсем обычное явление, такие браки все еще заключаются в некоторых случаях, особенно в Чистокровных семьях, которые находятся в опасности прерывания рода. Идея такова, что, имея нескольких жен, мужчина может зачать больше детей, расширяя свой род и предотвращая возможность того, что семья ограничится только одним ребенком и, в итоге, вымрет.

Гермиона была в ужасе, хотя какая-то часть ее заинтересовалась этой новостью:

- Правда?

Кивнув, Джинни только хмыкнула из-за реакции Гермионы.

- Очевидно, такая реакция, как у тебя, вполне обычна для Магглорожденных. Но для некоторых семей, таких, как Забини, например, это в порядке вещей – у Блейза несколько дядь, прададь и так далее. Все, кто имеет собственные семьи, делают шансы Блейза на мульти брачный контракт минимальными. Тем не менее, Малфоям, несмотря на то, что у них есть какие-то родственники во Франции, видимо, придется прибегнуть к этой привилегии. Драко – последний наследник семьи Малфоев в Англии, что делает его основным кандидатом на многоженство.

- Как и Гарри, - вздохнула Гермиона, понимая, о чем говорит ее подруга.

Джинни решительно кивнула:

- Да. Одно время Поттеры были довольно большой семьей, связанной с некоторыми другими семьями, если перенестись на чуть более раннее время становления их рода – с семьей Долгопупсов и с нашей семьей, например. Если бы Гарри воспитывали родители, он вполне бы мог узнать от них о том, что однажды он может стать частью мульти брачного контракта. На самом деле, если бы Джеймс был жив, он мог бы и сам иметь нескольких жен, так как ни братьев, ни сестер у него не было.

- Не мог, если то, что я слышала о Лили, было правдой, - пробормотала Гермиона, уверенная в том, что столь своенравная ведьма никогда бы не стала делить своего мужа с другой.

Снова захихикав, Джинни одобрительно склонила голову:

- Ты, вероятно, права. Первая жена должна дать свое согласие на вторую жену, так что Лили вполне могла наложить вето на все последующие браки.

- А что, если есть несколько брачных контрактов? – спросила Гермиона.

- Тогда приоритет имеет первый, а все последующие должны быть ратифицированы первой женой, прежде чем они станут по-настоящему действующими. Тем не менее, такого не случится прежде, чем глава семьи не переговорит с обеими сторонами. Зачем создавать две параллельные семьи, если нет никаких гарантий того, что первая жена согласится на второй контракт?

- Возможно, для политических связей?

- Может быть, но гарантий все равно нет. К тому же, заключение второго контракта несет определенный риск – вторая семья может быть оскорблена тем, что их контракт был отменен,

особенно, если их не уведомили о существовании первого контракта. Вряд ли такая ситуация когда-нибудь произойдет.

По мере того, как Гермиона обдумывала этот разговор, она начинала сомневаться, а не ошибается ли Джинни. Да, возможность вроде есть, но в этой формуле так много переменных.

- Я не знала об этом, - сказала она, подбирая слова медленно и осторожно. - Но ведь здесь так много неизвестного, Джинни. Гарри может не испытывать к тебе ответных чувств, и, думаю, его невеста не одобрит твоих встреч с ним в попытках стать его второй женой.

- Я знаю, - ответила Джинни, ее взгляд вновь стал опустошенным и отсутствующим - таким, каким он был, когда девушка вошла в комнату.

- Тогда почему ты все еще надеешься? - спросила ее Гермиона, изо всех сил стараясь оставаться доброй и понимающей. - И, кроме того, ты уверена в том, что хочешь делить своего мужа с кем-то еще?

- Если бы ты по-настоящему любила кого-то, и единственной возможностью быть с ним было бы разделить его с кем-то еще, разве ты бы не воспользовалась этой возможностью? - возразила Джинни.

- Я... не уверена, что смогла бы, - ответила Гермиона, смущенная своими чувствами. Будет ли она готова делить Гарри с Флер, женщиной, которую она даже не знает? Одно дело - делить его с Джинни или кем-то еще, кого она знает и любит, но делать то же самое в непосредственной близости от незнакомки было бы... сложно. Даже если бы она смогла смириться с самой идеей такого сожителства.

- Джинни, не пойми меня неправильно, но я не уверена в том, что ты любишь Гарри.

Когда она начала возражать, Гермиона остановила ее пыл, выставив перед собой раскрытую ладонь:

- Джинни, ты даже не знаешь Гарри - ты была слишком застенчива, чтобы узнать его. Как тогда ты можешь утверждать, что любишь этого человека?

Впервые с того дня, как они познакомились, заявление Гермионы заставило Джинни сделать паузу и всерьез подумать о Гарри. Гермиона не знала, была ли Джинни действительно влюблена в Гарри или просто фанатела от него, но она чувствовала, что лучше дать девочке шанс самой разобраться в природе ее привязанности - это было почти необходимо для того, чтобы в дальнейшем избавить ее от страданий.

- Я не знаю, - наконец, сказала Джинни слабым голосом. - Меня влекло к нему так долго... И теперь, я думаю, я действительно не знаю его. Я знаю лишь Мальчика-Который-Выжил.

- Это всегда можно исправить, - улыбнулась Гермиона. Несмотря на скептически поднятую бровь Джинни, она продолжила. - Будь его другом, Джинни. Гарри не нужна очередная фанатка или потенциальная вторая жена, по крайней мере, прямо сейчас - у него будет время подумать об этом позже. Но сейчас ему нужны друзья. Тебе нужно избавиться от своего непонятного влечения и узнать Гарри таким, какой он есть, а не таким, каким ты его представляла всю свою жизнь. Поверь мне, относиться к нему как к другу - лучший способ привлечь его внимание.

Вдумчивый взгляд, появившийся в глазах Джинни, вырвал вздох облегчения у Гермионы - кажется, она все-таки подобралась к сердцу юной ведьмы.

- И еще одно, Джинни... Я советую тебе отказаться от этой надежды - в ней слишком много подводных камней. Если спустя какое-то время то, чего ты хочешь, все-таки произойдет, это будет самым приятным сюрпризом для тебя, но ты внутренне уничтожишь себя, если этого не случится. Отпусти все, о чем думаешь.

Заблестевшие от слез глаза рыжеволосой девушки негативно сказали Гермионе все, что она хотела узнать о том, как восприняла Джинни ее слова, но через несколько мгновений Уизли-младшая боязливо улыбнулась и решительно кивнула. Возможно, она рано обрадовалась, но, пока другая девушка держала в себе эти фантазии, бороться с ними было гораздо труднее.

Гермиона улеглась обратно на кровать и уставилась в потолок. Лишь бы теперь самой отпустить все это...

«Я знаю, что это неожиданно и совсем не то, о чем ты мечтала, моя дорогая, но ты знаешь, как сильно я беспокоюсь о тебе. Могло бы быть и хуже, разве нет?»

Пока дневной свет постепенно превращался в длинные тени раннего вечера, Флер Делакур сидела на подоконнике в своей спальне, наслаждаясь красивыми пейзажами холмов и долин, которые входили в ее владения. Слова отца эхом проходили сквозь ее мысли. На этот раз великолепного вида, зеленого моря деревьев и узких ручейков скал между ними оказалось недостаточно, чтобы отвлечь ее от тревожных мыслей и переживаний.

Из ее губ вылетел небольшой вздох, и она прижалась лбом к окну, потерявшись в своих размышлениях. Как любая другая девушка, выросшая в магическом мире, она была хорошо осведомлена о том, что ее отец может заключить для нее брачный контракт, хотя он и пообещал ей, что сделает это, только если почувствует, что контракт будет преследовать ее интересы и интересы семьи. И, конечно же, как и любая другая девушка, она мечтала о прекрасном мужчине, который возьмет ее на руки, унося в жизнь, полную любви и радости. Как сказал отец, это был не самый плохой вариант. Но ей все еще не нравилась вся эта ситуация, особенно, если вернуться на некоторое время назад и вспомнить ее разговор с отцом.

Флер тяжело плюхнулась на стул перед столом в кабинете ее отца, отчаявшись понять то, о чем только что он ей сказал.

- Брачный контракт? – она глубоко дышала. – Я даже не знала о том, что фигурирую в каком-то брачном контракте!

- Я сам нашел его только недавно, - ответил ее отец с добродушной улыбкой. – Я не хотел тебя расстраивать, поэтому не стал ничего говорить до того момента, как стал уверен в том, что мы примем его содержание.

Не зная, что сказать, Флер сидела, не шелохнувшись и уставившись на деревянный стол своего отца. Достигнув семнадцатилетнего возраста, она предполагала, что, раз уж брачный контракт с ее участием не был заключен, этого никогда не произойдет. Как оказалось, предполагала она ошибочно. Ей было хорошо известно о положении ее отца на политической арене Франции и всего магического мира, и она не могла, как ни старалась, представить, с кем мог бы ее связать Жан-Себастьян для образования политического альянса.

Но вдруг до нее дошло значение слов, сказанных ее отцом. Она уставилась на своего родителя:

- Ты не знал об этом? Тогда кто, если не ты, обсуждал контракт?

- Он был согласован пятьдесят лет назад моими предками, - ответил Жан-Себастьян. Затем он начал рассказывать историю брачного контракта, по которому Флер теперь была обручена. Но единственное, чего он ей не раскрыл, - это личности ее мужа.

- Вижу, тебе интересно, кто этот молодой человек, - добавил он после того, как все рассказал.

- Наоборот, - саркастично ответила она, хотя в ее истинных эмоциях совершенно не было сарказма. – это настолько мелкая деталь, что, учитывая обстоятельства, личность моего мужа не так уж и существенна.

Жан-Себастьян воспринял ее выпад со снисходительной улыбкой:

- Это определенно человек, Флер – и, я думаю, тебя не разочарует мой выбор.

Флер посмотрела на отца, готовая отдать что угодно, лишь бы он не завершил свою речь и не сказал, кому она теперь принадлежала.

Коварно улыбнувшись напоследок, ее отец все же решил подсластить пилюлю:

- Твой новый суженый – Гарри Поттер.

Ошеломленная Флер уставилась на отца, явно находясь в ужасе от этого открытия. Она бы никогда не подумала, что папа обручит ее не только с иностранцем, но еще и с одним из известнейших волшебников современности. Гарри Поттер!

- Флер?

- Но папа, я почти его не знаю.

- Ты ведь уже встречалась с ним, да? – он продолжил, получив ее кивок. – Я никогда не встречался с ним лично, но, судя по той капле, что я увидел на Турнире, он показался мне серьезным, грамотным молодым человеком и держался удивительно хорошо, учитывая обстоятельства. Его крестный отец, хотя, между нами, он может быть и предвзятым в своем мнении, говорил об этом молодом человеке исключительно положительные вещи.

Флер обдумывала то, что сказал отец, уверенный в том, что он все сделал правильно. Зная, что Гарри сделал для него во время Турнира, Флер не могла не согласиться с такой оценкой. На свете много гораздо худших волшебников, с которыми Жан-Себастьян легко мог ее связать. Но он не стал бы связывать ее с кем-то ради политической выгоды – он слишком любил своих дочерей.

- Я знаю, что это неожиданно и совсем не то, о чем ты мечтала, моя дорогая, но ты знаешь, как сильно я беспокоюсь о тебе. Могло бы быть и хуже, разве нет?

Она знала, что могло. Будучи Вейлой, она знала, что многие мужчины добиваются ее только из-за красоты и возможности обладать Вейлой. Бремя разделения тех, кто интересовался Флер как личностью, и тех, кого интересовала лишь Вейла, всегда было сложным и неопределенным. Конечно, судя по тому, что она знала о Гарри Поттере, он не был человеком, который мог бы использовать ее в корыстных целях.

- Да, папа, - прошептала она. – Могло быть хуже.

- Вот одна из причин, почему я решил подписать этот контракт. Я доверяю качествам молодого человека, которому я тебя доверю, и я уверен, что он будет хорошо к тебе относиться. Помимо всего прочего, Гарри ненавидит свою славу и хочет нормальной жизни, которую, я надеюсь, вы построите вместе. На самом деле, мне кажется, что у вас одинаковая проблема: ты не можешь быть уверенной, добивается ли мужчина тебя или Вейлы в тебе, а Мистер Поттер не может быть уверен, нравится ли девушке он или его слава. Кроме того, учитывая все то, что мне о нем сказали, я думаю, вам будет хорошо вместе. По крайней мере, это лучше, чем, как во многих Чистокровных семьях, просчитывать все на века вперед для заключения брачного контракта.

Флер покраснела и улыбнулась отцу:

- Я понимаю, папа, и я ценю то, что ты так заботишься о нас с Габриэль.

- Я желаю тебе и твоей сестре только счастья, Флер, - сказал Мистер Делакур серьезно, наклонившись вперед и упершись локтями о стол. - Все, о чем я тебя прошу, это открыться своему жениху и дать ему шанс. Думаю, ты будешь приятно удивлена.

И хотя Флер до сих пор была в шоке от этой неоднозначной ситуации, она все же согласилась, что на данный момент это единственное, что она может сделать. Кроме того, когда ее первое неприятное впечатление о Гарри на Турнире прошло, он искренне удивил ее своим героизмом и отвагой.

- Я дам ему шанс, папа, - согласилась она.

Она так и не пришла в себя спустя два дня после разговора с отцом. Она перенесла несколько стадий изменения отношения к Гарри с того момента, как встретила его - от раздражения и снисходительности, которые она чувствовала, когда он неожиданно вошел в комнату после выбора Кубка, к уважению, когда он справился со своим драконом, и, наконец, благодарному восхищению, которое она почувствовала, когда он появился из глубин озера... Эмоции, которые она испытывала, постоянно менялись с момента их знакомства.

И теперь она была помолвлена с ним. И это ее тревожило.

Но, в то же время, она понимала, что ее отец прав - Гарри не был счастлив из-за своей славы и всячески хотел от нее избавиться. Молодой человек, который спас ее сестру, а потом помог и ей самой в лабиринте, хотя имел все причины не делать этого в погоне за призом, никогда не будет дурно обращаться с ней или рассматривать ее лишь в качестве трофея.

Другая часть изменений в ее жизни касалась перспективы закончить обучение в Хогвартсе, оставив родные залы Шармбатона и войдя в священные залы старейшей школы Европы в качестве студента, а не просто гостя. Она испытывала двойственные чувства - с одной стороны, она уходила от насиженности к неизвестности, с другой, она немного теряла. В Шармбатоне у нее было несколько друзей, и ни с кем из них она не была по-настоящему близка - таковы последствия ее наследия, к сожалению. В некотором смысле, в Хогвартсе действительно может быть лучше, ведь там она, в конечном счете, может рассчитывать на дружбу и поддержку своего жениха. Да, конечно же, лучше смотреть в будущее и надеяться на лучшее, чем киснуть в ее нынешнем состоянии.

Небольшой хлопок отвлек ее от размышлений. Отвернувшись от окна, она увидела небольшое существо, посетившее комнату.

- Госпожа Флер, хозяин идет с гостем. Вас ждут в гостиной.

Флер улыбнулась эльфу-домовику:

- Уже иду. Спасибо, Кэппи.

Эльф усмехнулся и с таким же небольшим хлопком исчез, оставив Флер одну. Она напоследок взглянула на себя в зеркало, а затем покинула комнату. Самое время увидеться с будущим супругом.

<http://tl.rulate.ru/book/50520/1263409>